

Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм*

**Сергей Семёнович
ГУБАНОВ**

доктор экономических наук, профессор, Московский государственный университет, главный редактор журнала «Экономист»

§ 1. Безотлагательность неоиндустриализации: доводы новых реалий

Пореформенные шутки с историей кончились: текущий ход событий складывается так, что оттягивать поворот к неоиндустриализации больше нельзя. И экономические, и геополитические противоречия переплелись ныне в гордиев узел столь жгучего системного кризиса, который разрешается лишь крайними, поистине альтернативными исходами: либо развалом нашей страны, т.е. исторически негативным итогом, либо ее неоиндустриальным подъемом — итогом исторически позитивным.

В отечественной экономике начиная с 2013 г. стагнация перемежается с автономной рецессией. Экспортно-сырьевая мо-

дель дошла до точки: она перестала генерировать даже номинальный, монетаристский рост, обеспечиваемый инфляцией нефтедоллара, и не в состоянии ни пополнять золотовалютные резервы и бюджет, ни поддерживать инвестиционный и конечный спрос. Раньше был рост без развития; теперь же нет ни развития, ни роста.

Драматически изменилась в конце 2013 г. и внешнеполитическая ситуация, добавив ко всем прочим еще одно грозное и болезненное противоречие. Стремительное осложнение обстановки на украинском направлении обязывает выступать *субъектом* геополитики, тогда как экономически Россия готова пока быть не больше, чем геополитическим *объектом*.

* Настоящая статья представляет собой сокращенную версию следующей публикации: Губанов С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. — 2014. — № 4.

Как не раз уже бывало, перед тяжелейшим историческим испытанием наша страна вновь поставлена именно в тот момент, когда меньше всего готова к нему. И верно, деиндустриализация не преодолена. Продолжаются долларизация национального богатства и его офшоризация. Структурная диверсификация народного хозяйства буксует. Экспортно-сырьевая модель все еще не заменена, несмотря на ее очевидную недееспособность. Отечественное хозяйство и государственный бюджет не выведены из недопустимой зависимости от внешне-конъюнктурных факторов: нефтедоллара и спекулятивного иностранного капитала.

Экономическая система, будучи частнокапиталистической системой низшего порядка, абсолютно бесперспективна, ибо дезинтегрирована снизу доверху, держит промежуточное производство в отрыве от конечного, не позволяет кардинально увеличить агрегированный мультипликатор добавленной стоимости.

Внутренние источники народнохозяйственного развития отключены и бездействуют. Наверстывания по производительности труда нет.

Пореформенная Россия докатилась до стадии низшего капитализма — дезинтегрированного и олигархического. Под воздействием иностранного капитала, который под ширмой «свободной конкуренции» принялся всемерно уничтожать своего стратегического конкурента, постсоветский капитализм быстро выродился в разновидность *компрадорского* — непроизводительного, посреднического, *брокерского*. Максимум, на что его хватает, — это перекачка ресурсов и национального богатства нашей страны за рубеж, т.е. банальная торговля Родиной, что оборачивается усилением зарубежных ТНК при безмерном

ослаблении отечественного промышленного капитала, ростом экономической и валютно-монетарной зависимости, обогащением олигархического меньшинства и обнищанием трудящегося большинства, сползанием к обществу несправедливости и нищеты.

Постсоветская практика сполна подтвердила силу и действенность классических экономических законов, в частности закона цены производства. Низший капитализм, или колониальная периферия мирового хозяйства, действительно влачит существование в кабальной зависимости от высшего, функционируя как управляемый вассал последнего, т.е. империалистического центра.

Хотя на протяжении 2000-х гг. предпринимались некие коррекции, они были бессистемными и лишь приглушили, но отнюдь не устранили масштабный системный кризис, трансформационный по происхождению и социально-экономический по последствиям. Дезинтеграция воспроизводства и деиндустриализация, системная и социальная отсталость, всесторонняя внешняя зависимость, работа на иностранный капитал вместо работы на самих себя, предельная социальная дифференциация и поляризация населения, внутреннее раскалывание общества по национальному, религиозному, языковому, территориальному, имущественному и прочим признакам, буржуазно-этнический национализм и центробежные тенденции — таковы зримые проявления системного кризиса, денно и нощно разъедающего фундамент федеративного единства.

Отягощенная грудой системных проблем, ослабленная длительной деиндустриализацией и стадийным регрессом, Россия тем не менее лишена возможности уклониться от брошенного ей геополитиче-

ского вызова. Отсталость и слабость нашей страны являются неподходящими только для нее самой, между тем как именно на них сделал свой геополитический расчет блок во многом уже неоиндустриальных держав, обладающих колоссальным системным преимуществом над постсоветским строем. После «Великой рецессии» неоиндустриальный мир, ведомый США, стал субъектом предельно агрессивной геополитики. И сейчас вся тяжесть геополитического давления перенесена им напрямую на Россию, экономически во всем отсталую и отстающую — по стадии капитализма, уровню развития производительных сил, формам их организации и управления, индустриально-технологическому, научно-техническому и кадровому потенциалу, производительности труда и качеству жизни населения.

Во фронтальное наступление на евразийском пространстве американский неоимпериализм вынужден ринуться по нескольким принципиальным причинам. С одной стороны, перед ним стоит задача во что бы то ни стало подкрепить империализм доллара чужой собственностью, с другой — Россия видится ему уже достаточно подорванной изнутри и ослабленной, чтобы основательно заблокировать ее по всему периметру государственной границы, двинув имперский поход НАТО дальше на восток, впритык к нашим юго-западным рубежам.

Несомненно, развязанный в конце 2013 г. украинским олигархически-компрадорским кланом кровавый «хаос», управляемый заокеанскими кукловодами с целью полной отмены внеблокового статуса Украины, следовало ожидать. Дело не в самих по себе продажности и гнилости постсоветского политического режима, вернее — не только в них. Вся суть в пер-

манентности воспроизводства данного режима власти как такового, т.е. в качестве продажного и гнилого, а также причинах и условиях именно такого его воспроизводства, идущего безостановочно, от одних якобы демократических выборов к другим. Несмотря на выборный процесс, реальный выбор неизменно остается за правящей компрадорской олигархией, возвращенной иностранным капиталом, всецело подконтрольной ему, на деле только им назначаемой и поддерживаемой.

Не просто так, не ради академического лишь интереса нам пришлось уделить пристальное внимание «новой норме» ФРС США, внешне вроде бы чисто технической и кейнсианской¹. Внешность обманчива: как выяснилось, в действительности США затеяли с 2008 г. беспрецедентный раунд глобальной экспансии империализма доллара — экспансии, связанной с кардинальным расширением *долларизации и американизации собственности остального мира*.

Воспользовавшись «Великой рецессией» 2008–2009 гг., США обрушили на мировое хозяйство новый акт планетарного передела собственности, как всегда — исключительно в свою пользу.

Благодаря денационализации первоочередной в прицеле империализма доллара стала собственность постсоветских стран — России, Украины, Казахстана, Белоруссии. А всякий передел собственности, о чем учит история, сопряжен с вооруженным насилием, размах, интенсивность и количество жертв которого прямо пропорциональны масштабу и значению захватываемых объектов и высот экономики. Поэтому-то американский империализм развязывает одну региональную войну за другой, насаждая тоталитарный мировой порядок — с политическим порабощением

всех тех стран, чья собственность отхватывается с целью долларизации, американизации и офшоризации, с учреждением для них прямого диктата проамериканского компрадорского режима. Это, к сожалению, и происходит сейчас на украинской земле.

Войны за *десуверенизацию* чужой собственности пропагандистская машина США запрограммированно преподносит как войны «за демократию». При этом американская пропаганда беспрестанно оперирует сугубо абстрактными лозунгами о демократии и свободе вообще, без малейшего прояснения какого-либо конкретного их наполнения и содержания.

Намеренный уход от конкретики вполне понятен, ибо для американского империализма демократическая страна тождественна проамериканской, тотально зависимой от сюзерена, т.е. Вашингтона. Силой империализма доллара и военщины США подчиняют мир не какой-то абстрактной и отвлеченной, а вполне конкретной — *вассальной демократии*, единственное предназначение которой заключается в том, чтобы держать «реформированные» неокolonии на поводке «Вашингтонского консенсуса» с помощью подконтрольного компрадорского режима. Соответственно, свобода по-вашингтонски означает не что иное, как свободу рук для США и американского капитала в любой стране мира, в любой точке планеты.

Конкретика реальной однополярной глобализации, стало быть, проста: *вассальная демократия* в остальном мире служит там верным залогом *сюзеренной свободы* для американского империализма, включая империализм доллара.

Империалистическая изнанка глобализации моментально выбивается наружу повсюду, где страны и регионы попирает

сапог американской военщины, включая ее базы на европейском континенте. Но правда не в имперских интересах США. И потому риторика Вашингтона зиждется на пустопорожных абстракциях свободы и демократии, без указания на их реальное содержание и подлинного социального субъекта. Между тем едва ли может быть неясно, что свобода продажного, проамериканского олигархически-компрадорского меньшинства, поставленного на правление той или иной неокolonией, эквивалентна несвободе и рабской зависимости управляемого большинства.

Поэтому в контексте имперской глобализации США украинский кризис занимает ныне отдельное место. Он более чем предсказуемо инициирован в интересах американского империализма, который давно отвел Украине роль своей хозяйственной неокolonии и марионеточного государства, напичканного базами НАТО ради геополитической блокады России. Нашей же стране, и так изрядно изолированной после развала СССР, отступить дальше некуда. Ей просто не оставляют выбора: она буквально обязана встать сейчас стеной на жизненно важных рубежах своей геополитической безопасности. Едва ли можно не видеть, что конечная цель американского империализма — Россия, и через Украину он подбирается вплотную именно к России.

Само собой разумеется, справиться с геополитическим нажимом, доведенным неоиндустриальным блоком во главе с американским империализмом до чрезвычайного обострения, на основе деиндустриализации долго не удастся. Тактические успехи при этом еще посильны, а стратегический выигрыш — нет.

Законы истории неумолимы: экономическому пигмею не дано быть геополити-

ческим титаном — подобное несоответствие заведомо противоестественно и недолговечно. Оно объективно предполагает неприменимый возврат к соответствию, а значит выбирать надо одно из двух: либо форсированное становление в качестве экономического титана — неоиндустриального по определению, либо скоротечное превращение в геополитического пигмея, расчлененного на сферы влияния и вассалитета.

Итак, в современных условиях никакой позитивной альтернативы неоиндустриализации России нет и быть не может. Возможна только негативная: экономический и политический крах, с повторением при скорбной участи Советского Союза. Либо динамичная неоиндустриализация, либо внутреннее разложение компрадорским капиталом и развал — так ставит вопрос жизнь.

Естественно, нашей стране нужен исторически позитивный исход. А с данной точки зрения выбор однозначен и кристально ясен: во-первых, *неоиндустриализация России безальтернативна*, во-вторых, — *безотлагательна*.

§ 2. Коренной вопрос неоиндустриализации: о собственности

Конечно, ни грана нового в приведенной констатации нет. Она была равно справедливой, равно актуальной и пять, и десять, и даже двадцать лет тому назад. В подтверждение нелишним, думается, будет небольшой экскурс в историю вопроса.

В отечественной литературе впервые, насколько известно, вывод о настоятельности *реиндустриализации* прямо сформулирован и обнародован в 1992 г., когда по народному хозяйству еще не пронесся смерч деиндустриализации и существовал производственный аппарат, годный для высокотехнологичной модернизации². Сорвавшийся позднее с цепи компрадор-

ский мор так сильно, под корень, выкосил отечественное производство машинных средств производства, оказался настолько опустошительным, что реиндустриализация совершенно утратила у нас свой объект, а вместе с ним — и предметный смысл.

К тому времени, однако, накопились научные данные, достаточные для выдвижения и обоснования *неоиндустриальной парадигмы*. Основы ее сложились к 2000 г. С тех пор перспектива подъема России научно связывается исключительно с *неоиндустриализацией*, как технотронной фазой индустриализации и процессом формирования наукоемкого способа производства. В подтверждение напомним один из выводов той поры: «Технологическая отсталость нетерпима для России. Действительный же подъем возможен только при движении к наукоемкому способу производства, не иначе как через неоиндустриализацию. Стратегия ее осуществления должна всемерно опираться на потенциал собственного экономического базиса»³.

После августовского дефолта 1998 г. история предоставила было довольно весомый шанс для разворота к неоиндустриальной экономической модели, но выбор последовал, увы, в пользу экспортно-сырьевой. Дело ограничилось лишь частичной национализацией экспортно-сырьевой ренты. Часть валютно-рентной выручки, дотоле почти целиком присваиваемой олигархически-компрадорским кланом, начала зачисляться в бюджет и различные внебюджетные фонды.

Хотя проведенное решение и затронуло вопрос о собственности, оно, однако, оказалось компромиссным, половинчатым, бессистемным. Командные высоты экономики сохранились во власти частно-олигархического, компрадорского капитала взамен на полюбовный раздел экспортно-валютной выручки.

В результате экономическая система осталась дезинтегрированной, неспособной соединить промежуточное производство с конечным ради того, чтобы загрузить работой машиностроительный комплекс и обрабатывающую индустрию, наладив производство высокотехнологичных рабочих мест. Государство получило монетарные ресурсы, а вместе с ними — возможность поддержки совокупного спроса, но начало платить за это непомерную цену в виде усугубления деиндустриализации и отсталости. Угли системного кризиса продолжили подспудно тлеть, между тем как на поверхности его скрывался фиктивный рост, или *рост без развития*, обеспечиваемый инфляцией нефтедоллара.

Сейчас, после потери свыше десятилетия, ситуация разительно изменилась. Во-первых, состоялся совершенно очевидный крах экспортно-сырьевой модели, с прекращением даже монетаристского, инфляционного роста; во-вторых, геополитическое противостояние с неоиндустриальным блоком перешло в критическую фазу и требует предельного напряжения сил. Соответственно, задача состоит теперь не в том, чтобы лишний раз убеждать в настоятельности и неотложности новой индустриализации, а в том, чтобы приступить к ней на деле, притом повести дело как общегосударственное, всенародное.

Что делать — это принципиально ясно. Дискуссии и споры вызывает вопрос о том, как делать: на основе какой формы собственности, с использованием какой экономической системы и каких конкретно методов.

Наверное, было бы проще, будь сейчас возможность обойтись без изменения и реорганизации многоукладной структуры собственности. Но какие бы то ни было

иллюзии излишни: пути наименьшего сопротивления в данном случае попросту нет. Ни частнокапиталистическая собственность сама по себе, ни тем паче олигархически-компрадорская ее форма в принципе неспособна составлять экономического базиса неоиндустриализации. То же самое и компрадорская экономическая система, которая лишь ослабляет нашу страну, исправно усиливая наших геополитических конкурентов, вынося *за рубеж центры прибыли* и оставляя *внутри центры затрат, издержек, потерь и долгов*.

Как известно, всякая историческая эпоха считается лишь со своими объективными законами, закономерностями и тенденциями. И горе той стране, которая идет против них. Постсоветская Россия слишком долго играла с историей, отчего и доигралась до нынешней непростой ситуации.

Короче говоря, хотим мы того или нет, но от вопроса о собственности уклониться нельзя. Это в полном смысле коренной вопрос наших дней, ибо только от его решения зависит, быть или не быть России неоиндустриальной — со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая геополитические.

Понятно, что олигархически-компрадорский клан выступает категорически против самой постановки вопроса о собственности. Тем самым он откровенно проявляет себя в качестве социальной силы, враждебной неоиндустриализации нашей страны. Поэтому в лице компрадорской олигархии Россия имеет для себя проблему, а не решение; и напротив, в том же лице империализм доллара имеет для себя решение, а не проблему.

Таково специфическое противоречие текущего момента. Без его разрешения не может быть даже речи об организации

масштабных неоиндустриальных преобразований, поскольку в обществе господствуют сейчас лишь силы их торможения и дезорганизации. Кроме того, на базе частнокапиталистической собственности немыслимо устранить компрадорскую экономическую систему, которая тоже работает против России, поддерживая дискриминационный обмен товарного на бестоварное и реального на виртуальное, обеспечивая для иностранного капитала значительную долю дарового импорта наших ресурсов и оставляя без работы отечественную обрабатывающую индустрию.

В условиях компрадорской системы, установленной в прямом противоречии с требованиями закона вертикальной интеграции, рентабельность офшоризации российской собственности, экспортно-сырьевых трансакций и биржевых спекуляций всегда будет гораздо выше, чем рентабельность машиностроительного производства. Рядовым тому подтверждением служат итоги 2013 г. Так, спекулятивные иностранные инвестиции, вложенные в сделки с отечественной собственностью, принесли своим зарубежным владельцам баснословную норму прибыли — на уровне не менее 75% годовых. Сопоставима с ней доходность прочих финансово-посреднических и биржевых операций. В подобного рода системных условиях капиталовложения, потребные для создания первоклассного, высокоавтоматизированного производства машинных средств производства, объективно попадают в зону экономически некупаемых, невыгодных.

Факт есть факт: компрадорская система, настроенная на посредничество в стратегических и геополитических интересах иностранного капитала, делает экономически невыгодной новую, технотронную индустриализацию.

Вот почему нашей стране нужна в корне иная, не компрадорская, суверенная по характеру и реализуемым интересам экономическая система, при которой неоиндустриализация становится и выгодной, и окупаемой, и гарантированной.

Известны предложения и обещания поправить ситуацию различными «налоговыми маневрами». Но они заведомо нереалистичны, сбивают на ложный путь, ведут к потере времени и отвлекают от коренного, системного вопроса — о собственности. Не надо обманывать самих себя и обманываться: пока негодная макроэкономическая система не заменена, она враждебна новой индустриализации. Налоговые и все прочие методы косвенного регулирования здесь абсолютно бессильны, потому как господство олигархически-компрадорского капитала неминуемо превратит их в фикцию и пустышку.

Так ли, иначе ли, но обойти вопрос о собственности невозможно. Более того, он стоит сейчас ребром.

Как показал практический опыт последнего десятилетия, частичной национализации экспортно-сырьевой ренты, проведенной в начале 2000-х гг. с помощью налогового рычага НДС, мало и недостаточно. Бессмысленно сохранять дележ этой ренты между государством и олигархическим капиталом, ибо обязательная предпосылка развития состоит в том, чтобы перенацелить отечественную экономическую систему на внутренние, целиком неоиндустриальные источники и цепочки производства добавленной стоимости. А для этого нужен переход на принципиально иной, прогрессивный экономический базис, т.е. к исторически наиболее передовым формам и отношениям собственности, способным соединить воедино промежуточное производство с конечным.

§ 3. Многоукладность форм собственности и выделение главного звена

Современный капитализм многоукладен. Многоукладна и структура форм капиталистической собственности: каждая из них свойственна строго определенному капиталистическому укладу.

К сожалению, в советский период с 1930-х гг. понимание многоукладности и противоречивости переживаемой ныне эпохи было вытеснено на задворки экономической мысли. Одной из крупных причин послужило широко известное конституционное положение 1936 г. о победе социализма «в основном», а следовательно — об успешном окончании переходного периода.

Названное положение оказалось в жестоком разладе с действительностью, будучи теоретически и политически ошибочным. Возведенное в конституционное и директивное, оно вызвало далеко идущие отрицательные последствия, подменив верные ориентиры социально-экономического развития ложными, дезориентировав идеологию и гуманитарное образование, сняв вопрос о реальных противоречиях, оставив СССР без четкой и ясной перспективы развития. Общество исторической правды и правоты в одночасье сделалось обществом неправды, а КПСС бесславно окончила свои дни партией неприглядной лжи и беззастенчивого обмана — до основания разложенной и без социальной базы.

Истина уже на поверхности: на самом деле советское общество не поднялось выше переходного периода, незавершенного и абсолютно, и относительно. Оспорим ли этот вывод? Или неоспорим? Он бесспорен. Ибо, в отличие от ложного, базируется на несокрушимом фундаменте научной классики.

Напомним, согласно классическому критерию, полная и окончательная победа нового общественно-экономического строя над старым становится фактом тогда

и только тогда, когда достигнута безоговорочная победа по производительности общественного труда. Критерий этот единственен и непреложен. Никакого иного применительно к данному случаю нет и не может быть. Красной нитью проходит подобное понимание через все классическое наследие А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, В.И. Ленина, образуя ядро научной, диалектико-трудоу школы политэкономии. Достаточно привести всего одно, но исчерпывающе ясное положение: «Капитализм создал производительность труда, неданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда»⁴.

Ничто иное, кроме производительности труда, в исторически-формационный зачет не идет и не принимается: более передовым признается только тот строй, который не на словах, а на деле обеспечивает исторически высшую производительность труда непосредственных работников. Все остальные моменты, насколько бы важными они ни казались, по сравнению с данным обобщенным и конечным критерием выступают производными и второстепенными.

Как ни удивительно, но это документальный факт 1936 г.: беспочвенный вывод о победе социализма «в основном» оправдывался И. Сталиным антинаучно, в духе чисто бухаринской «левизны», с недопустимым забеганием вперед, вообще без всякого упоминания о производительности труда, не говоря уже о сравнении с главнейшими капиталистическими странами мира⁵. Первостепенное молчаливо игнорировалось, меж тем как второстепенное акцентировалось и легковесно, даже с хохотком обыгрывалось. СССР был провозглашен обществом социализма, хотя не только не превзошел, но даже близко не подошел к уровню производительности в системе американского капитализма.

С научной точки зрения непостижимо, как можно было презреть азы классики и прямой ленинский завет, что главное для страны Советов — это обеспечение высшей и высочайшей производительности труда. Непостижимое тем не менее произошло. Факт вопиющего небрежения классикой ни малейшему сомнению не подлежит, он надежно документирован и непререкаем.

Законы истории суровы, но справедливы, и хорошо смеется тот, кто смеется последним. По иронии судьбы, последнее слово осталось за тем самым классическим критерием, который столь старательно обходился стороной и замалчивался в 1936 г. Итог известен: практика все равно разоблачила обман и фикцию. Советский *псевдосоциализм* потерял социальную опору и рухнул именно потому, что явил неспособность подняться на высоты производительности труда и качества жизни трудящихся. Общество переполнилось обезоруживающим разочарованием: что же это за социализм, который не выше и не лучше капитализма передовых стран? Идеология лжи и обмана подточила остов идейного и морально-политического единства советской страны и подвела ее к буржуазно-националистическому расчленению.

Нелишне заметить, что о капитализме «третьего мира», или отсталом капитализме, советские люди не допускали даже мысли. В сравнении фигурировали сплошь промышленно развитые державы: США, Германия, Франция, Великобритания, Швеция и т.п. Это потом уже, по мере триумфального шествия антисоветских реформ, планка стала сама собой опускаться сверху вниз — до Португалии, Аргентины, Бразилии, Мексики, а нынче в пример нам эксперты МВФ ставят обездоленные африканские страны, лишённые всякой индустрии и ведущие главным образом присваивающее хозяйство.

Не было ничего проще, чем софистически переименовать капитализм в социализм, сыграв по нотам философии номинализма, как было сделано в 1936 г. Но нет ничего тяжелее тех исторических последствий, к которым привела подмена реального содержания пустым и безжизненным наименованием.

Глубочайшее и мучительное для советских людей крушение идеалов, катастрофа падения Советского Союза, СЭВ и Варшавского блока, незаслуженная дискредитация социализма, период постсоветской олигархически-компрадорской реакции, буржуазно-националистическое разжигание этнической междоусобицы и натравливание друг на друга братских народов, теперешнее испытание пореформенной России на разрыв — это еще далеко не окончательный их перечень. Наша страна пожинает вдобавок горькие плоды дезориентации общественного сознания, плененного ложными догмами прошлого и настоящего, утраты социальной перспективы, непонимания того, где находится, куда и через какие ступени идти.

Политико-экономический вред, нанесенный ложной тезой о победе социализма «в основном», неисчислимы и во многом уже непоправимы: искалеченных ложью поколений не вернуть. Но пришло время для того, чтобы восстановить научную истину, прекратив калечить неправдой и путаницей нынешние и будущие поколения, которым, вопреки всему, суждено стать поколениями новой, технотронной индустриализации и прорыва к наиболее передовой ступени социального прогресса.

Не будем вдаваться здесь в подробный разбор истинной социально-экономической природы и сложной, зигзагообразной эволюции советского общества от рождения до смерти — это архиважная тема для отдельного разговора.

Примем за отправной пункт аксиому, что СССР был обществом переходного периода, притом весьма далекого от завершения, если вести отсчет по шкале реальной производительности труда и норме свободного времени.

Советский переходный период отличался особой многоукладностью и своим набором специфических противоречий. Он не был чем-то статичным и неизменным. В самые первые его дни существовали одни хозяйственные уклады и экономические противоречия, а в конце — во многом иные.

Перечень различных укладов, их диалектика и расстановка на момент начального состояния в 1918—1921 гг. не раз освещались В.И. Лениным и хорошо известны⁶. Нас интересует итоговый результат ленинского анализа, который оказался таким неожиданным и столь поразительным, что вызвал длительную полемику с бухаринской группой «левизны», а после 1924 г. был скоропалительно, в течение одного года предан директивно продиктованному забвению.

В чем суть? Добившись после гражданской войны самостоятельности и независимости от иностранного капитала, молодая страна Советов вступила в переходный период от капитализма к социализму. Казалось бы, раз начато социалистическое строительство, то основным может быть только противоречие между социализмом и капитализмом.

Так и оценивала ближайшую перспективу группа Н.И. Бухарина. Но — изрядно заблуждалась. Вопреки ее ожиданиям В.И. Ленин указал совсем иное противоречие. На удивление, оно вообще не включало упоминания о социализме, т.е. социалистический уклад выпадал из него. Противоположности были определены как внутриформационные, а не межформационные. На том этапе в качестве основных столкнулись не разнотипные уклады и формы собственности, как должно было бы

быть «по идее», но однотипные, по поводу чего каких-либо идей прежде не высказывалось вовсе.

Не социализм против капитализма, а капитализм против капитализма — таково противоречие, открытое при ленинском анализе тогдашних реалий в качестве решающего. И оно надлежало конкретизировано. Никакой игры слов, никакой игры в диалектику здесь не было.

В отличие от начетчиков, позднее выдавших себя за «верных ленинцев» и отметавших научные критерии, В.И. Ленин абстрактного капитализма не признавал, ибо исходил из учения о стадийности и стадиях капиталистической эволюции. Поэтому особняком выделял две стадии, или два уклада — частнокапиталистический и госкапиталистический. Детальное их изучение показало как общее между ними, так и особенное. Они оказались по-настоящему крайними стадиями — низшей и высшей, старой и новой, обычной и своеобразной; а еще — относительно противоположными, поскольку в одном из существенных пунктов госкапитализм выступает первым отрицанием капитализма как такового, расширяя цель с прибавочной (s) до вновь созданной стоимости ($v + s$).

В результате последовал новаторский ленинский вывод, что в условиях предстоящего переходного периода основополагающим является противоречие между двумя укладами, именно — частнокапиталистическим и госкапиталистическим. Причем было предельно точно указано, что главным врагом Советской власти на хозяйственном фронте является именно низший, старый, обычный капитализм, ведущий наступление под знаменем свободной торговли, т.е. капитализм *laissez-faire*. Что касается госкапитализма, то он, наоборот, подводит под Советскую власть прочный экономический фундамент, создавая предпосылки, необходимые и достаточные для прямого социалистического перехода.

Госкапиталистический уклад правильно фигурировал в ленинском видении просоветским, тогда как частнокапиталистический — антисоветским. Зная эмпирический итог, уместно заметить: вся последующая история СССР стала одним сплошным подтверждением истинности этого фундаментального и глубоко научного, диалектически выверенного положения. Единственное, пожалуй, чего не мог предполагать В.И. Ленин, что свою лучшую маскировку частнокапиталистический уклад обретет со временем в хозрасчетной форме.

Без госкапитализма, без организации и налаживания работы крупных государственно-капиталистических монополий о непосредственном переходе к социализму нечего даже думать — такова ленинская позиция. Отсюда, кстати, и вытекает знаменитая формула всего переходного периода: к социализму через госкапитализм. Эту-то формулу, выведенную в 1921–1922 гг., уже в 1925 г. совершенно снимает фракция И. Сталина, конъюнктурно сомкнувшаяся в то время с бухаринской группой «левизны». А десятилетие спустя, в 1936 г. заявляет, ни больше ни меньше, о мифической победе социализма «в основном» — без победы по уровню производительности труда, да и без победы фундаментальных экономических основ самого госкапитализма.

Тем временем, однако, главное противоречие советской эпохи, будучи неразрешенным, продолжало делать свое дело как ни в чем не бывало. Движение все равно определялось борьбой между двумя укладами: частнокапиталистическим и госкапиталистическим. Никакие субъективные выверты, никакие идеологические табу не могли отменить диалектики объективной действительности.

Как показал наш анализ, госкапиталистические начала доминировали в период 1933–1957 гг. Существовала, однако, одна ключевая особенность: их преобладание

обеспечивалось не столько организационно-экономически, сколько внеэкономически, ибо *под плановой системой народно-хозяйственного расчета не было адекватного экономического фундамента*.

В то время во главу угла планово-централизованная система госкапитализма ставила высшую рентабельность — общехозяйственную; рентабельность отдельного хозрасчетного предприятия относилась к низшей, подчиненной. Однако, в отличие от хозрасчетной децентрализации предприятий, которая имела свой экономический базис, плановая централизация таковым не обладала. Последняя опиралась единственно на национализацию, а национализация собственности суть акт юридический и политический, но не экономический. Он являлся предпосылкой для планового хозяйства, но никак не основанием.

Советская плановая система народно-хозяйственного расчета держалась в основном на политико-правовой надстройке, между тем как хозрасчет обособленных предприятий имел экономическую опору в виде разделения труда, товарообмена, балансовой собственности, воспроизводства прибыли. В результате стадийное противоречие между госкапиталистическим укладом и частнокапиталистическим мимикрировало, приняло советскую форму, стало противоречием между планом и хозрасчетом.

То было очень специфичное противоречие: на стороне плана были преимущественно политико-правовые рычаги и меры, а на стороне обособления предприятий и хозрасчета — экономические, включая производство и присвоение прибыли. Надстроечное существовало в непримиримом противостоянии с базисным. Сложилось и неумолимо разрасталось острое несоответствие между советской политической надстройкой и антисоветским по существу экономическим базисом — хозрасчетно-рыночным.

Соответствие могло быть восстановлено либо экономической победой советских политических начал, либо политической победой антисоветских экономических.

Борьба протекала отнюдь не на равных, поскольку конституционно закрепленное положение о мифической победе социализма не просто дезориентировало общественное сознание, но на корню пресекало саму постановку вопроса о необходимости качественного, базисного, организационно-экономического укрепления планово-централизованной системы хозяйствования. Тем самым хозрасчетные начала получили колоссальное идеологическое и политическое преимущество. Дальше их субъектам оставалось лишь постоянно наращивать его. Процесс пошел, естественно, под нарастающими требованиями децентрализации и самостоятельности хозрасчетных предприятий, свободы ценообразования, присвоения прибыли и самофинансирования.

Первый акт контрповорота последовал в 1957 г. вместе с отходом от системы высшей рентабельности к системе низшей, хозрасчетной. Реакционная по сути, безграмотная и лживая во всем остальном, программа КПСС, принятая в 1961 г., освятила его, гарантировав прибыльность каждому «нормально» работающему хозрасчетному предприятию.

Реформа 1965 г. ознаменовала второй акт контрповорота, закрепив итоги состоявшегося первого. Хозрасчетная рентабельность отдельного предприятия сделалась первичной и главенствующей, а народнохозяйственная — вторичной и подвластной. Частнохозяйственное присвоение прибыли обрело простор.

После той реформы началось затухание госкапиталистических начал и рост частнокапиталистических, до поры до времени прикрытых хозрасчетной формой. Примерно до середины 1970-х гг. еще держалось

относительное двоевластие, а затем госкапиталистический уклад был низвергнут «хозрасчетом предприятия», что и предредило роковую участь СССР десятилетием позже.

Третий акт контрповорота свершился «перестройкой» в 1985–1987 гг. Четвертый и финальный состоялся в виде окончательного развала СССР. Частнокапиталистический уклад отбросил за ненадобностью хозрасчетную форму и предстал в своем собственном, бесчеловечном и отсталом, архаичном обличье.

Как и предупреждал в 1921–1922 гг. В.И. Ленин, могильщиком Советской власти стал тот самый низший, старый, отсталый, дореволюционный капитализм, который сумел поставить себе на службу внешне плановую хозрасчетную форму, накопил под ее сенью силы, восстановил свою социальную базу, экономически, идеологически и политически разложил правящую партию и советское государство, после чего нанес заключительный удар.

Начиная с 1990-х гг. Россия вновь оказалась под гнетом низшего, наиболее отсталого капитализма, вновь страдает не столько из-за капитализма, сколько из-за его недоразвитости. Но, опять-таки, объективно противоречие между частнокапиталистической стадией и госкапиталистической никуда не делось. Местами поменялись лишь его полюса: частнокапиталистические начала возвысились и господствуют над госкапиталистическими.

В то же время было бы наивно полагать, будто дореволюционное прошлое повторяется один в один. Дважды в одну и ту же реку не войти: историческое развитие общества как шло, так и продолжает идти по диалектической спирали. Советский переходный период стал уже достоянием истории. Постсоветский же характеризуется теперь уже своей многоукладностью, или стадийностью.

Что изменилось по сравнению с данными ленинского анализа? С тех пор много воды утекло, ибо прошло почти столетие. Капиталистическая эволюция не стояла на месте. И добавила еще одну стадию, ранее неведомую — государственно-корпоративную.

Практически известные сейчас, по опыту СССР и промышленно развитых стран, внутриформационные стадии, или уклады, капиталистического способа производства таковы:

- частнокапиталистическая;
- государственно-монополистическая;
- государственно-корпоративная;
- госкапиталистическая.

Как можно видеть, обе крайние стадии — частнокапиталистическая и госкапиталистическая — отделены друг от друга двумя промежуточными. В советской политэкономии выделялась одна из промежуточных — государственно-монополистическая, хотя она отсутствует в ленинском перечне советской многоукладности. Насколько можно понять мысль В.И. Ленина, государственно-монополистический уклад он принимал за однородный с госкапиталистическим, поскольку часто апеллировал к государ-

ственно-капиталистической монополии, полагая ее основой госкапитализма. О государственно-корпоративной же стадии в его время данных еще не было: ни теоретических, ни эмпирических.

Чем отличаются между собой внутриформационные, исторически выявленные стадии капитализма? Они различаются одна от другой по ряду фундаментальных критериев, в числе которых наиболее значимы: господствующая форма собственности, главный субъект собственности, основное звено воспроизводства, его целевая функция, масштаб воспроизводственного планирования, обеспечиваемая фаза индустриализации производительных сил.

Для наглядности обобщенная классификация четырех основных стадий капитализма, за исключением мануфактурной, сведена в отдельную *таблицу*.

Подробное описание существенных признаков каждой из внутриформационных стадий капитализма, а затем еще в сравнении, требует слишком много места и уводит далеко за пределы предмета настоящего рассмотрения, поэтому ограничимся здесь лишь тем, без чего не обойтись.

Стадии, или уклады, капитализма и характерные их особенности

Стадии капитализма, от низшей к высшей	Форма собственности	Субъект собственности	Основное звено воспроизводства	Целевая функция	Масштаб планирования	Фаза индустриализации
Частнокапиталистическая	Дезинтегрированная, атомарная	Персонифицированный: частный капиталист	Отраслевое предприятие	Прибыль	Локальный, заводской	Эпоха пара (предпосылка индустриализации)
Государственно-монополистическая	Горизонтально интегрированная	Персонифицированный: отраслевой капиталист	Отраслевая монополия	Монопольная прибыль	Отраслевой	Электрификация (первичная индустриализация)
Государственно-корпоративная	Вертикально интегрированная	Смешанный: корпоративный капиталист	ТНК	Добавленная стоимость	Макроэкономический	Технотронная индустриализация (вторичная)
Госкапиталистическая	Системно-интегрированная	Деперсонифицированный: совокупный капиталист	ЕНК (единый народнохозяйственный комплекс)	Совокупная покупательная способность	Народнохозяйственный	Полная автоматизация и безотходное производство

Прежде всего целесообразно обратить внимание на генеральный вектор всей капиталистической эволюции: от дезинтегрированной формы собственности — к системно-интегрированной; от персонафицированного капиталиста — к деперсонафицированному, совокупному; от обособленного частного предприятия — к единому народнохозяйственному комплексу; от частной прибыли — к совокупной покупательной способности общества; от воспроизводственной стихии и бесплановости — к общехозяйственной плановости; от эпохи паровых производительных сил — к эпохе полностью автоматизированных; в общем, от частного капитала — к социальному, экономически обобществленному.

Если коротко суммировать отмеченные признаки, то все они указывают на то, что по мере восхождения от низших ступеней к высшим капитализм мало-помалу превращается в свою противоположность, в собственное отрицание. Иными словами, капитализм демонстрирует не что иное, как диалектический, преходящий характер своей исторически стадийной эволюции.

Больше всего нас интересует, конечно же, та стадия капитализма, которая связана с неоиндустриализацией, т.е. с наукоемкой и технотронной фазой индустриализации. Как можно видеть, это — не низшая стадия, дезинтегрированная и наиболее отсталая; и даже не государственно-монополистическая, которая адекватна лишь эпохе первичной индустриализации производительных сил, или их электрификации. Требованиям неоиндустриализации отвечает только стадия *не ниже государственно-корпоративной*.

Тем самым мы получили исчерпывающий ответ на принципиальный вопрос о том, от чего к чему надо переходить нашей стране, чтобы гарантировать успешное осуществление неоиндустриализации отечественных производительных сил,

придание им технотронного качества. Совершенно ясно, какая форма собственности должна при этом господствовать — вертикально-интегрированная, какое необходимо основное звено производства — ТНК, какая целевая функция производства — добавленная стоимость (а не одна прибыль), какой тип планирования — макроэкономический, адекватный форме собственности.

Вместе с тем, думается, следует хотя бы кратко прояснить *сущность госкапитализма*. В настоящее время, похоже, нет больше ни одной такой стадии капитализма, по поводу которой нагромоздилось бы столько ложных догм, воззрений и представлений, как в отношении госкапитализма.

В современной западной литературе и периодике, а с ее подачи — и в доморощенной либерально-компрадорской когорте, марионетки имперской глобализации США едва ли не криком кричат об установлении «путинского госкапитализма» в России⁷. Показателен, кстати, беспринципный кульбит, продемонстрированный А. Илларионовым, небезызвестным беспетальной попыткой эконометрической фальсификации влияния государства на темпы экономического роста⁸. В 2000 г., в бытность советником Президента РФ, на прямой вопрос американцев, подбрасывавших побасенку о госкапитализме в России, он резонно отвечал, что незачем оперировать идеологическими ярлыками⁹. Но как только лишился поста президентского советника, всплыв сотрудником вашингтонского института *Cato*, так сразу перескочил на американскую позицию и заголосил о движении нашей страны к госкапитализму¹⁰.

Политическому руководству страны до сих пор приходится заверять об отсутствии строительства госкапитализма¹¹. Это верно — к сожалению, ибо объективно для нашей страны было бы великим благом, если бы это было неверно.

На самом деле нет ничего дальше от истины, чем отождествление нынешней России с исторически высшей, заключительной стадией капитализма — госкапитализмом. Столь несуразное отождествление проистекает из совершенно антинаучного, чисто идеологического смещения госкапитализма с его классическим антиподом — клановым капитализмом, частно-олигархическим и компрадорским, низшим и отсталым.

Теория подразделяет госкапитализм на формальный и реальный. Базовой предпосылкой *формального* госкапитализма является преобладание национализированной собственности. Основа же *реального* госкапитализма — обобщественная, или системно-интегрированная, форма собственности, экономически реализуемая как национализированная, с полным господством в обществе социального производительного капитала, способного планомерно минимизировать всякого рода социальные издержки, необходимые для удовлетворения потребностей общества: энергетические, промышленные, инфраструктурные, экологические и т.д. Короче говоря, с формальным госкапитализмом связана правовая национализация, *де-юре*, а с реальным — экономическая, *де-факто*.

В Советском Союзе, заметим, национализация важнейших средств производства состоялась лишь юридически и провалилась экономически. На деле под видом «хозрасчета предприятия» национализированная, формально государственная собственность реально использовалась с 1960-х гг. как частнохозяйственная, антигосударственная. Поэтому СССР, несмотря на плановую систему хозяйствования, объективно не мог подняться выше формального, надстроечного, внеэкономического госкапитализма. Чтобы перейти от формального к реальному, предварительно так или иначе следовало пройти этап

вертикальной интеграции национализированной собственности, привести плано-во-экономическую систему в соответствие с законом вертикально интегрированного воспроизводства.

По сравнению с 1920-ми гг. современная реальность примечательна одним коренным изменением: неизмеримо ближе к госкапитализму, вплотную к нему стоят как раз промышленно развитые державы, в которых преобладает вертикально интегрированная капиталистическая стадия с ядром в виде *экономики ТНК*. В пореформенной России, напротив, доминирует старый, отсталый частнокапиталистический уклад, с господством олигархически-компрадорской, дезинтегрированной, персонифицированной формы капиталистической собственности. В общем, до госкапитализма нашей стране еще идти и идти, и государственно-корпоративной стадии на этом пути закономерно не миновать.

Что касается персонифицированной формы собственности, то на ее базе не возвести основ не только госкапитализма, но даже государственно-монополистического. И впору думать не столько о неоиндустриализации и полной автоматизации производства, сколько о том, как бы не утратить и сохранить хотя бы завоевания советской электрификации. Кстати, печальным свидетельством на сей счет видятся нормы электропотребления для населения, или энергетические пайки, абсурдные для любой электрифицированной страны.

В действительности как раз передовые-то неоиндустриальные страны, поднявшиеся на государственно-корпоративную стадию, ничто уже не отделяет от госкапитализма, в то время как пореформенная Россия отстоит от госкапитализма минимум на две стадии — государственно-монополистическую, а главное — государственно-корпоративную.

Итак, осуществление неоиндустриализации производительных сил предполагает, самое меньшее, господство государственно-корпоративного уклада, его ведущее положение в иерархии современной многоукладности. В свою очередь, ключевая особенность названного уклада состоит в том, что оно подчиняется *особому стадильному закону высшего капитализма — закону вертикальной интеграции*. Этот закон выступает законом системной взаимосвязи промежуточного и конечного производства, такой их взаимосвязи, при которой максимальная скорость кругооборота совокупного производительного капитала обеспечивается благодаря нулевой рентабельности в промежуточных звеньях.

Соответственно, в современном мире конкурентоспособной и эффективной может быть только такая экономическая система, которая построена и функционирует в полном согласии с требованиями закона вертикальной интеграции, при главенстве вертикально интегрированной формы собственности. В противном случае экономическая система не является государственно-корпоративной, а значит относится к разряду заведомо низших, отсталых, неэффективных и неконкурентоспособных.

Исходя из диалектического анализа эволюции капитализма и капиталистической многоукладности, вполне понятно, какая форма собственности суть исторически передовая ныне и адекватна задачам неоиндустриализации производительных сил. Это — вертикально интегрированная форма, или государственно-корпоративная, плановое функционирование которой организовано в соответствии с законом вертикальной интеграции, по принципу «точно вовремя», ради увеличения агрегированного мультипликатора добавленной стоимости.

§ 4. Об алгоритме перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной

Настоятельность и безотлагательность неоиндустриального поворота вовсе не значит, что нужно действовать сломя голову, наскоком или кампанейщиной. Напротив, авантюризм и волюнтаризм подлежат исключению, так как обернутся потерей драгоценного времени, которого и без того критически мало. И верный результат, и выигрыш по времени способна гарантировать лишь комбинация выверенных, точно рассчитанных мер и действий, реализуемых в правильной последовательности. В общем, чем качественнее алгоритм неоиндустриального перехода, тем выше темпы и короче сроки, экономнее и эффективнее программа его практической реализации.

Мы не претендуем здесь на развертывание программы неоиндустриализации нашей страны — это особая задача, решение которой предполагает консолидацию усилий всего научно-экономического общества, понимающего значимость неоиндустриальной реконструкции народного хозяйства и твердо придерживающегося идеологии общегосударственных, народнохозяйственных интересов. Наша функция ограничивается изложением узловых пунктов алгоритма неоиндустриального перехода, притом преимущественно первоочередных.

Исходный пункт и заглавный принцип состоит в том, что необходимо избежать всякого рода шоков и бифуркаций: ценовых, налоговых, бюджетных, инвестиционных, инфраструктурных, валютных, долговых, экспортно-импортных и т.д. Да, впадение в системный кризис и деиндустриализацию носило характер шокового, но выход из него должен быть управляемым, контролируемым и регулируемым, т.е. четко организованным, ювелирно слаженным.

Сопряженный с заглавным принцип относится к выбору приоритетов, или комбинации и последовательности шагов.

В первую очередь следует покончить с деиндустриализацией экономики, для чего необходимо соединить добывающую промышленность с обрабатывающими комплексами, особенно машиностроительными. Основа их организационно-экономического соединения — вертикально интегрированная собственность, а форма — межотраслевые цепочки производства конечной продукции с высоким мультипликатором добавленной стоимости.

Тем самым задается *первый* принципиальный шаг алгоритма: стратегическая национализация командных высот экономики, их суверенизация, дедолларизация и деофшоризация — формальная и неформальная, прямая и косвенная, в форме выкупной деприватизации и налоговой.

С учетом многоукладности форм собственности, о чем уже сказано, стратегическая национализация объективно не может быть тотальной, как то примитивно вообразают себе некоторые критики, и ограничивается сугубо лишь командными высотами экономики.

Далее, стратегическая национализация не предполагает внеэкономической, декретированной или директивной экспроприации. Во избежание недоразумения особо отметим, что национализируемыми объектами являются стратегически важные средства производства, начиная с земли и ТЭК, а не предметы личного потребления граждан.

И, главное, национализация нужна не ради национализации. Она нужна ради наращивания отечественного производства продукции конечного спроса с высокой долей добавленной стоимости, на основе прочной и неразрывной связи между добычей и промышленной переработкой сырья, первичных ресурсов, т.е. на основе вертикально интегрированной собственности.

Второй шаг после стратегической национализации командных высот экономики сводится к вертикальной интеграции формально или неформально национализированной собственности, конкретнее — к разработке и реализации народнохозяйственного плана создания вертикально интегрированных, общенациональных цепочек производства добавленной стоимости, в которых полностью объединены все фазы воспроизводства конкурентоспособной продукции конечного спроса, а работа строится по принципу «точно вовремя». В результате успешного осуществления такого плана Россия получит *экономику отечественных ТНК*, конкурентных по сравнению с крупнейшими иностранными.

Одновременно надлежит восстановить вертикально интегрированную форму организации инфраструктурных монополий — электроэнергетики, железнодорожного, авиационного, морского и речного транспорта, а также рыболовства и жилищно-коммунального хозяйства.

Третий шаг предполагает освобождение внутренних цен и ценообразования от влияния валютного курса рубля, спекулятивного иностранного капитала, импорта инфляции и прочих конъюнктурных внешних факторов.

Для этого целесообразно использовать меру, предлагаемую рядом специалистов: создать уполномоченное федеральное агентство, которое выкупало бы главнейшие товары минерально-сырьевого экспорта по внутренним ценам, реализовывало по экспортным и зачисляло валютную выручку на счета особого капитального фонда, чтобы увеличивать ресурсы реального накопления¹².

Необходимым видится также учреждение национального агентства по иностранным инвестициям. Основная его функция заключается в том, чтобы расширять приток

долгосрочных, индустриально-технологических и инфраструктурных инвестиций, отсекая при этом приток краткосрочных спекулятивных, бестоварных, монетарных.

Параллельно Центральный банк прекращает политику рублевой эмиссии, пропорциональной валютной выручке, вводит регулирование массы денег в обращении пропорционально росту внутреннего производства товарной массы, всемерно расширяет масштаб безналичных расчетов и платежей предприятий и населения, формирует национальную платежно-расчетную сеть.

Стабилизационный фонд упраздняется. Объем золотовалютных резервов сводится к нормативной величине, эквивалентной объему полугодового товарного импорта с учетом годовых выплат по внешнему долгу.

Четвертый шаг предполагает перевод государственного бюджета целиком на внутренние источники доходной части и кардинальное повышение его инвестиционного потенциала. Главными из предлагаемых мер представляются введение и селективное применение налога с оборота, прогрессивной шкалы подоходного налога, налога на спекулятивные доходы и налога на недвижимость.

Налог с оборота в тех секторах или видах деятельности, где он эффективен, должен использоваться не вместе, а вместо налога на добавленную стоимость.

Разработке и расчетному обоснованию подлежит также более детальный и комплексный план налоговой реорганизации, органически связанный с планом системных изменений в торговой, банковской и промышленной сфере, ценообразовании, амортизационных отчислений.

В частности, необходимо образование общегосударственного фонда амортизационных отчислений и создание механизма их строго целевого назначения.

Они составляют «длинные», долгосрочные ресурсы, которые следует учитывать в составе совокупного внутреннего фонда накопления и целевого кредитования масштабных неоиндустриальных проектов.

Налоговые меры важны и пригодны для повышения инвестиционного значения прибыли. Допустимо введение налоговых ограничителей ее проедания.

Пятый шаг относится к ценообразованию и предполагает его постепенное превращение в плано-регулируемое.

На первом этапе регулирование налаживается применительно к ценам и тарифам государственно-корпоративного сектора, инфраструктурных монополий и жилищно-коммунального хозяйства. Вводится особый порядок ценообразования: цены устанавливаются на основе интегральных издержек сроком на 5 лет, исходя из принципа общего рынка и принципа безубыточности; из цен исключаются прибыль и инвестиционная составляющая; механизм хозяйствования и система стимулов настраиваются на снижение издержек; в качестве источника плановых капитальных вложений выступает централизованный фонд совокупного накопления.

Шестой шаг призван гарантировать плановый уровень доли внутреннего накопления, окупаемости капитальных вложений, их вклада в приращение производительности общественного труда и уровня жизни людей.

Для этого совокупные внутренние накопления централизуются. В их состав включаются: особый капитальный фонд, для импорта машинной техники и рабочих мест; единый фонд амортизации; капитализируемая прибыль; инвестиционная часть государственного бюджета; некоторые виды банковских депозитов; производственные, машинно-технические и технологические по составу иностранные инвестиции.

Использование совокупного фонда накопления осуществляется в планово-целевом порядке, по единому плану капитальных вложений, в соответствии с принципами вертикальной интеграции и межотраслевой сопряженности. В первый пятилетний период приоритетными являются капиталовложения, необходимые для успешной реализации народнохозяйственного плана формирования вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости, или крупнейших отечественных ТНК, а также неоиндустриального по наполнению плана высокотехнологичного, наукоемкого импортозамещения.

Отраслевой принцип инвестиционного кредитования исключается, а частнохозяйственный остается для частнокапиталистического уклада, в пределах планово-кредитных нормативов и лимитов банковского сектора, в обязательной увязке с единым планом капитальных вложений.

Окупаемость плановых капиталовложений оценивается по-новому, по величине: агрегированного мультипликатора добавленной стоимости, воспроизводственного мультипликатора рабочих мест, почасовой производительности труда и заработной платы.

Седьмой шаг связан с организацией и постановкой новой модели народнохозяйственного планирования, органически соединенного с макроэкономическим планированием на уровне формируемых общенациональных корпораций.

В качестве отправного и сквозного принципа новой модели народнохозяйственного прогнозирования и планирования принимается уровень производительности и оплаты труда, а не ценовая конъюнктура нефтяного экспорта.

Инструментальной основой становятся межотраслевые балансы: трудовые, стоимостные, продуктовые, рабочих мест, основных производственных фондов, капитальных вложений, экспорта и импорта и т.д.

Восьмой шаг — разработка и реализация общегосударственного плана неоиндустриального импортозамещения, в увязке с планом формирования экономики отечественных ТНК. План импортозамещения должен предусматривать создание отечественного производства технологически передовых микропроцессоров и микропроцессорных устройств, супер-ЭВМ, авиационных и прочих двигателей, робототехники, операционных систем и программного обеспечения, оборудования для постнефтяной энергетики, автоматизированных комплексов, машин, приборов, первоклассных научных и учебных лабораторий.

Девятый шаг — восстановление и обновление единой системы обязательных государственных стандартов качества продукции производственного и потребительского назначения; введение жестких экологических нормативов и стандартов, а также плановых нормативов рециркуляции ресурсов. Превращение названной системы в систему экономического и внеэкономического принуждения к качеству, экологической чистоте производств и жилищно-коммунального хозяйства, рециркуляции ресурсов, безотходности.

Десятый шаг — декоммерциализация здравоохранения, образования, физкультуры и спорта; восстановление специального и профессионально-технического образования; перевод средней и высшей школы на общегосударственные программы и стандарты образования; деамериканизация гуманитарного образования, прежде всего — экономического.

Одиннадцатый шаг — переход к почасовой системе регулирования производительности труда и заработной платы на основе разработки плановых нормативов почасовой производительности машин, рабочих мест и работников.

Двенадцатый шаг — организация и ввод в действие планово-экономической модели снижения народнохозяйственных издержек, подкрепленной системой стимулов на основе повышения почасовых ставок заработной платы и премиальных нормативов для административно-управленческого персонала.

Тринадцатый шаг — реорганизация системы сбыта сельскохозяйственной и продовольственной продукции на основе прямого и лицензированного доступа товаропроизводителей или их кооперативов к региональным и национальным торговым сетям. Предоставление торговых лицензий посредникам и перекупщикам исключается.

Мы отметили и сжато обрисовали наиболее принципиальные пункты алгоритма конкретного перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной. Каждый из перечисленных пунктов содержит в себе свертку более детальной программы решений и действий, т.е. может быть развернут в целостную и целевую плановую программу, органически соподчиненную сводной, народнохозяйственной.

На наш взгляд, все пункты представленного переходного алгоритма вполне отвечают исходному принципу о недопустимости шоковых эксцессов в процессе перехода от старой экономической системы к новой, адекватной задачам и требованиям технотронной, наукоемкой индустриализации России.

Таким образом, с учетом рассмотренного алгоритма имеются весомые основания для того, чтобы считать неоиндустриализацию отечественного народного хозяйства не только безальтернативной и безотлагательной, но и практически реализуемой.

* * *

Теоретически неоиндустриализация обоснована твердо; практически она безальтернативна, безотлагательна и реали-

зуема; идеологически и политически — связана с общегосударственными, народнохозяйственными и социально-трудовыми интересами. Алгоритм перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной нащупан и описан в самых принципиальных пунктах. Мы знаем, конечно, что необходимо его широкое обсуждение, уточнение, улучшение.

Тем не менее платформа неоиндустриализации сложилась. И медлить с ее общественным утверждением больше нельзя. Пришла пора целенаправленной социальной консолидации на неоиндустриальной платформе, по существу готовой и соответствующей кадровой реконфигурации.

В экономическом сообществе, которое отчетливо понимает насущность новой индустриализации — наукоемкой и высокотехнологичной, важно максимально сблизить подходы и позиции по острым вопросам неоиндустриальной политики России, включая тематику темпов социально-экономического развития, собственности и вертикальной интеграции, сочетания косвенных и прямых методов централизованного регулирования, формирования национального планово-координационного агентства, организации системных условий и стимулов для обеспечения динамичного и качественного роста народного хозяйства.

Думается, настало время четко определиться, от чего к чему идет Россия, каким путем, какое общество стремится построить и какое место занять в мире, каково при этом значение неоиндустриальной реконструкции. Особое внимание следует уделить обобщению конкретных мер и решений, направленных на точно выверенную замену экспортно-сырьевой модели моделью неоиндустриального развития нашей страны — с учетом институционального, организационного и кадрового обеспечения столь ответственного системного маневра.

На наш взгляд, было бы целесообразно подготовить и провести *Всероссийское экономическое совещание по новой индустриализации* — деловое, строго предметное. Не парад мнений важен, а системные решения по вопросам неоиндустриального развития России. При этом нужна тщательная организация, с настроением на результатив-

ность, для чего потребуется ответственное взаимодействие государственных органов, научных и общественных структур, экономических изданий. Итоги проделанной работы, несомненно, помогли бы переходу нашей страны на путь динамичного наращивания экономической мощи.

¹ См.: Губанов С. Воспроизводство рабочих мест и «новая норма» ФРС США (теоретические аспекты) // *Экономист*. — 2013. — № 2; продолжение: Губанов С. Воспроизводство рабочих мест и «новая норма» ФРС США (аналитический аспект) // *Экономист*. — 2013. — № 7.

² См., например: *Новый курс России* // Советская Россия. 1992. 19 ноября; отдельное издание: *Новый курс России* / под ред. С.С. Губанова. — М.: Палея, 1993. — С. 11.

³ Губанов С. Станкостроение: условия конкурентоспособности // *Экономист*. — 2000. — № 9. — С. 3 и сл.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. — С. 21.

⁵ См.: Сталин И. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. 25 ноября 1936 г. — М.: ОГИЗ, 1946.

⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. — С. 296.; Т. 43. — С. 207.

⁷ См., например: Durand C. Between Developmentalism and Instrumentalization: The Comeback of Producing State in the Russia // *Journal of Innovation Economics and Management*. 2008. No. 2. P. 171 ff.; Brancato E. Markets Versus Hierarchies. A Political Economy of Russia From 10th Century To 2008. — Northampton, MA: Edward Elgar Press. 2009; Bremmer I. The End of the Free Market: Who Wins the War Between States and Corporations? — New York: Portfolio. 2010; Gustafson T. Wheel of Fortune: The Battle For Oil and Power In Russia. — Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. 2012. P. 231 ff.; Fjaertoft D., Blakkisrud H. Exit State Corporations? Exploring the Legacy of Putin's "State Capitalism" // *Norwegian Institute of International Affairs*. 2009. WP 2009-001; Kryshantovskaya O.V. Sovietization of Russia 2000-2008 // *Eurasian Review*. 2009. Vol. 2. P. 95 ff.; Belton C. Putin stands by state capitalism // *The Financial Times*. 2012. January 30th; Aslund A. Putin's State Capitalism Means Falling Growth // *The Moscow Times*. 2013. May 22nd; Рогов К. Политэкономика: Модель антироста // *Ведомости*. 2004. 10 ноября. Вардоль Н. Мировая закулиса нам поможет // *Новая газета*. 2011. 22 апреля.

⁸ См.: Губанов С. Темпы роста и воздействие на них государства // *Экономист*. 2003. — № 6.

⁹ Larina E. Illarionov goes public, plays it close to vest // *The Russia Journal*. 2000. Vol. 3. No. 15.

¹⁰ Holley D. Dissenter Resigns Kremlin Position // *The Los Angeles Times*. 2005. December. 28th; Illarionov A. The Rise of the Corporate State in Russia // *Cato Institute*. Washington, DC. Policy Forum. 2006.

¹¹ См.: Матвиенко В. О новой индустриализации России // *Экономист*. — 2013. — № 7. — С. 4.

¹² См.: Дасковский В., Киселев В. Основы новой стратегии, модели и политики неоиндустриальной реконструкции // *Экономист*. — 2014. — № 1. — С. 42.

Gubanov S.S.

Neo-industrial development model and its system algorithm

Sergei Semenovich Gubanov — Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University, Chief Editor of the journal "Economist"

References

1. See: Gubanov S. Vosproizvodstvo rabochikh mest i "novaya norma" FRS SShA (teoreticheskie aspekty) [Reproduction of Jobs and the "New Standard" of the U.S. Federal Reserve System (Theoretical Aspects)]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no.2; continuation: Gubanov S. Vosproizvodstvo rabochikh mest i «novaya norma» FRS SShA (analiticheskii aspekt) [Reproduction of Jobs and the "New Standard" of the U.S. Federal Reserve System (Analytical Aspect)]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no.7.
2. See, for example: *Novyi kurs Rossii* [New Course for Russia]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], 1992, November 19; special edition: *Novyi kurs Rossii* [New Course for Russia]. Ed. by S.S. Gubanov. Moscow: Paleya, 1993. P. 11.

3. Gubanov S. Stankostroenie: usloviya konkurentosposobnosti [Machine-Tool Industry: Conditions for Competitiveness]. *Ekonomist* [Economist], 2000, no.9, p. 3 ff.
4. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 39. P. 21.
5. See: Stalin I. O proekte Konstitutsii Soyuza SSR. Doklad na Chrezvychainom VIII Vsesoyuznom s"ezde Sovetov. 25 noyabrya 1936 g. [About the Draft Constitution of the USSR. The Report on the Extraordinary Eighth All-Union Congress of Soviets, November 25, 1936]. Moscow: OGIZ, 1946.
6. See: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 36. P. 296.; Vol. 43. P. 207.
7. See, for example: Durand C. Between Developmentalism and Instrumentalization: The Comeback of Producing State in the Russia. *Journal of Innovation Economics and Management*, 2008, no. 2, p. 171 ff.; Brancato E. *Markets Versus Hierarchies. A Political Economy of Russia From 10th Century To 2008*. Northampton, MA: Edward Elgar Press, 2009; Bremmer I. *The End of the Free Market: Who Wins the War Between States and Corporations?* New York: Portfolio, 2010; Gustafson T. *Wheel of Fortune: The Battle For Oil and Power In Russia*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2012. P. 231 ff.; Fjaertoft D., Blakkisrud H. Exit State Corporations? Exploring the Legacy of Putin's "State Capitalism". *Norwegian Institute of International Affairs*. 2009. WP 2009-001; Kryshtanovskaya O.V. Sovietization of Russia 2000–2008. *Eurasian Review*, 2009, Vol. 2, p. 95 ff; Belton C. Putin Stands By State Capitalism. *The Financial Times*, 2012, January 30; Aslund A. Putin's State Capitalism Means Falling Growth. *The Moscow Times*, 2013, May 22; Rogov K. Politekonomiya: Model' antirosta [Political Economics: a Model of Anti-Growth]. *Vedomosti*, 2004, November 10; Vardul' N. Mirovaya zakulisa nam pomozhet [The Global Cabal Will Help]. *Novaya gazeta* [New Newspaper], 2011, April 22.
8. See: Gubanov S. Tempy rosta i vozdeistvie na nikh gosudarstva [Growth Rates and the Impact of the Government on Them]. *Ekonomist* [Economist], 2003, no.6.
9. Larina E. Illarionov Goes Public, Plays It Close to Vest. *The Russia Journal*, 2000, vol. 3, no.15.
10. Holley D. Dissenter Resigns Kremlin Position. *The Los Angeles Times*, 2005, December 28; Illarionov A. The Rise of the Corporate State in Russia. *Cato Institute*. Washington, DC. Policy Forum, 2006.
11. See: Matvienko V. O novoi industrializatsii Rossii [About a New Industrialization of Russia]. *Ekonomist* [Economist], 2013. no.7, p.4.
12. See: Daskovskii V., Kiselev V. Osnovy novoi strategii, modeli i politiki neoindustrial'noi rekonstruktsii [The Foundations of a New Strategy, Models and Policy of Neo-Industrial Reconstruction]. *Ekonomist* [Economist], 2014, no.1, p. 42.